

Е.Ф. Шмурло

**Митрополит Евгений как
ученый**

Ранние годы жизни. 1767-1804

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Е11

Е11 **Е.Ф. Шмурло**
Митрополит Евгений как ученый: Ранние годы жизни. 1767-1804 / Е.Ф. Шмурло – М.: Книга по Требованию, 2017. – 554 с.

ISBN 978-5-518-07378-4

ISBN 978-5-518-07378-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

ОТЦУ И МАТЕРИ

ПОСВЯЩАЮ Я

ЭТУ КНИГУ

Авторъ предлагаемаго труда остановилъ свое вниманіе на личности Кіевскаго митрополита Евгенія еще въ ту пору, когда, на студенческой скамьѣ, писалъ сочиненіе на тему: «О заслугахъ канцлера Н. П. Румянцова для изученія прошедшаго Россіи». Съ тѣхъ поръ передъ нимъ постепенно выростала заманчивая задача — нарисовать образъ маститаго іерарха, какъ писателя и ученаго, и опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей русской исторической науки. Тѣсныя рамки біографіи, разумѣется, для этого не годились; личность Кіевскаго митрополита приходилось изучать въ тѣсной связи съ современною ей эпохой. Не говоря про то, что обстоятельства сравнительно только недавно позволили автору взяться за осуществленіе намѣченнаго плана, но уже самые размѣры подобнаго труда требовали долгихъ лѣтъ работы; вотъ почему, не желая суживать задачи, авторъ ограничился пока обзоромъ молодыхъ годовъ жизни митрополита Евгенія. Къ тому же этотъ періодъ являетъ собою нѣчто законченное и цѣльное: это время, когда слагался образъ того Евгенія, какимъ знаетъ его исторія. Прослѣдить процессъ этого развитія и есть задача нынѣ предлагаемаго труда. Сверхъ того, время до назначенія Евгенія на Новгородскую кафедру — моментъ, на которомъ останавливается выпускаемая книга — наименѣе изученный и наименѣе извѣстный періодъ въ жизни митрополита. Въ то время какъ вниманіе біографовъ обращено было преимущественно на зрѣлые годы ученаго іерарха, на его крупныя и общезнѣсныя труды,—та пора, когда въ тиши безвѣстности создавался будущій сподвижникъ науки, или обходилась совсѣмъ, или задѣвалась мимоходомъ. Прекрасная и лучшая изъ всѣхъ монографій Н. С. Тихонравова не болѣе какъ очеркъ, къ тому же только начатый. Нѣкоторые вопросы обойдены въ ней совершенно; кромѣ того рукописный матеріалъ остался внѣ программы московскаго профессора, а между тѣмъ едва ли не въ немъ лежатъ центръ тяжести въ изученіи первыхъ 36 лѣтъ жизни митрополита Евгенія. Именно

къ этому времени относится большая часть произведеній, не увидѣвшихъ свѣта: и это надо сказать не только о сочиненіяхъ, упомянутыхъ въ автобіографіи, но и о многихъ другихъ, о которыхъ преосвященный совершенно умолчалъ. Позволительно надѣяться, что послѣ выходящей нынѣ книги значительно порѣдѣетъ число тѣхъ трудовъ митрополита Евгенія, о которыхъ историческая литература до сихъ поръ или ничего не знала, или знала одни ихъ заглавія.

Воспитанникъ Петербургскаго университета второй половины семидесятыхъ годовъ, авторъ предлагаемаго сочиненія хранитъ теплую благодарность къ своему наставнику и руководителю, профессору Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину, которому обязанъ лучшими сторонами своихъ познаній въ области русской исторіи. Для автора всегда будетъ дорого воспоминаніе о томъ живомъ участіи, съ какимъ этотъ ученый постоянно относился къ его занятіямъ, не переставая оказывать содѣйствіе своими совѣтами и во все время составленія настоящей книги.

Съ глубокою благодарностью вспоминаетъ также авторъ указанія профессора Е. Е. Замысловскаго, съ неизмѣннымъ вниманіемъ слѣдившаго за ходомъ его работъ. Дѣятельную поддержку встрѣтилъ авторъ и со стороны Л. Н. Майкова, не мало облегчившаго его занятія. Рукописи Кіево-софійской бібліотеки стали доступны для автора, благодаря любезному вниманію протоіерея П. Г. Лебединцева и профессора В. С. Иконникова, а пользованіе нѣкоторыми изъ нихъ въ С.-Петербургѣ обусловило содѣйствіемъ академика А. Θ. Бычкова. Профессоръ Н. И. Петровъ обязательно помогъ автору при знакомствѣ съ рукописнымъ матеріаломъ Церковно-археологическаго Музея и бібліотеки Кіевской духовной академіи; профессоръ И. В. Помяловскій и П. И. Саввантовъ оказали содѣйствіе рукописями своихъ бібліотекъ; пользованіе же богатымъ книгохранилищемъ Императорской Публичной бібліотеки значительно облегчено было постоянною предупредительностію В. П. Ламбина. Всѣмъ названнымъ лицамъ приноситъ авторъ искреннюю свою благодарность.

Нельзя сказать, чтобы литература, посвященная митрополиту Евгению, была бѣдна количественно; но вся она, за исключеніемъ немногаго, или компилятивна, или поверхностна. На личности ученаго іерарха до сихъ поръ останавливались скорѣе случайно и по вѣншему поводу. Дѣятельность митрополита Евгенія, какъ типичная страница русской исторіографіи, еще не становилась предметомъ серьезнаго изученія.

Самая кончина его (23 февр. 1837 г.) прошла почти незамѣченною въ печати. «Некрологовъ митрополита Евгенія», какъ замѣтилъ еще г. Пономаревъ ¹⁾, — «не встрѣчается почти ни въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ; нѣтъ его даже въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Исключеніемъ была коротенькая въ двадцать четыре строчки замѣтка **Сѣверной Пчолы** ²⁾, помѣщенная въ отдѣлѣ «внутреннихъ извѣстій» Газета сравнивала умершаго съ «первымъ нашимъ бытописателемъ, преподобнымъ инокомъ печерскимъ», о которомъ Патерикъ говоритъ: «и поживе лѣта довольно, труждаяся въ дѣлахъ лѣтописанія»

Надгробная рѣчь, произнесенная студентомъ Кіевской духовной академіи Павломъ Бобиннымъ, не заключала въ себѣ ничего, кромѣ шаблонныхъ выраженій ³⁾; слово протоіерея

¹⁾ С. И. Пономаревъ, Матеріалы для біографіи митрополита Евгенія. Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1867, № 8, стр. 228, прим.

²⁾ Сѣверная Пчела 1837 г., № 53, 9 марта, стр. 209.

³⁾ Рѣчь, произнесенная надъ гробомъ преосв. Евгенія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Воскресное Читеніе, годъ первый, 1837—8 г., № 7, (изд. 2-е, 1850), стр. 59—60. Имя автора, если не ошпабаемся, раскрыто И. И. Малышевскимъ въ статьѣ его: Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи председателя конвентіи Кіевской духовной академіи (Тр. К. Д. Акад. 1867. № 12, стр. 630).

Скворцова, произнесенное въ день погребенія ¹⁾, было весьма недурно для церковной катедры, но въ обзорѣ научной дѣятельности почившаго лишь бѣгло намѣтило нѣкоторыя изъ тѣхъ областей, въ которыхъ оставилъ онъ свой слѣдъ: проповѣдь, вопросы юридическія, философскія диссертаціи и др. Однако, и здѣсь уже была подмѣчена «обширность и твердость *памяти*, рѣдкая сила разсудка, удивительная проицательность и точность сужденія» (стр. 106). «*Нить науки*, говорилъ ораторъ, которая была бы ему вовсе чужда» (106). Преимущественное, однако, вниманіе Евгенія, по мнѣнію его, было обращено на *исторію церкви и отечества*: «слѣдуя примѣру св. Димитрія Ростовскаго, онъ поучался и поучалъ, поминая дни вѣчные: воскрешалъ въ памяти нашей знаменитыхъ пастырей церкви, изображалъ состояніе церкви древнее, судьбы св. обителей и ея знаменитыхъ храмовъ. Не менѣе трудился онъ и въ объясненіи другихъ отечественныхъ древностей..., не оставлялъ безъ вниманія и познаній естества... Но при семъ, какъ ревнитель истиннаго и существеннаго блага для человѣчества, онъ всегда былъ врагомъ *умствованій безплодныхъ* и предположеній болѣе остроумныхъ, нежели основательныхъ» (106).

Стѣсненный временемъ и мѣстомъ, обязанный кратко коснуться всѣхъ сторонъ личности почившаго, протоіерей Скворцовъ и не могъ дать болѣе того, что далъ. Въ лучшемъ положеніи находился профессоръ Кіевской духовной академіи Я. К. Амфитеатровъ. Въ напечатанномъ некрологѣ ²⁾ онъ обращалъ вниманіе читателя на *разнообразіе* ученыхъ занятій митрополита. «Онъ трудился почти во всѣхъ родахъ словесности, начиная, можно сказать, съ азбуки до идей» (стр. 240). *Люби-*

¹⁾ Слово при погребеніи преосв. Евгенія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго. *Воскресное Чтеніе*, годъ первый, 1837—8, № 13 (изд. 2-е, 1850), стр. 104—109.

²⁾ Евгеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій. *Сѣверная Пчела* 1837, №№ 60, 61; (17 и 18 марта), стр. 239—240, 243—244. Статья подписана инициалами Я. А. и отмѣчена присланною „изъ Кіева“.

мымъ ученымъ занятіемъ почившаго іерарха преимущественно была *исторія*. Гдѣ только совершалъ онъ пастырское служеніе, вездѣ, среди трудныхъ занятій дѣлами епархіальными, онъ старался оживить память временъ минувшихъ» (стр. 243). «Само собою разумѣется, что преосвященный, развлекаемый множествомъ дѣлъ епархіальныхъ, множествомъ занятій разнообразныхъ, мало имѣлъ времени думать объ искусной *обработкѣ* своихъ твореній; онъ искалъ больше общей пользы, чѣмъ собственной славы; *мимо не прошелъ* ни одного ему доступнаго архива, ни монастырскаго, ни судейскаго, безъ того чтобы не осмотрѣть и не узнать содержанія бумагъ, относящихся до исторіи; выбиралъ такіе предметы, за кои едва ли бы кто скоро взялся кромѣ его; перечитывалъ ветхія, едва понятныя рукописи, старался пролить на нихъ свѣтъ, извлекалъ изъ забвенія, все готовилъ для того, чтобы *другимъ облегчить* въ послѣдствіи путь къ разысканіямъ и созданію отечественной исторіи. Нельзя безъ удивленія вспомнить, какое множество перебралъ онъ старинныхъ рукописей и книгъ, если даже судить по тѣмъ указаніямъ, кои находятся въ одномъ Словарѣ его. Когда было заботиться о *щеголеватой отдѣлкѣ* такихъ предметовъ, кои требуютъ огромнаго труда и времени только на то, чтобы собрать и перечестъ все, до нихъ касающееся, и кои, съ другой стороны, будучи представлены просто и такъ, какъ они попадались подъ руку, весьма однако же необходимы и полезны! Евгенийъ собралъ и *оставилъ* потомкамъ *богатѣйшій матеріалъ* не только для церковной русской исторіи, но и вообще для исторіи русской литературы» (243—244).

Одновременно съ этими некрологами появилась цѣлая книга, посвященная «памяти преосвященнаго»: «О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ», **О. Новицкаго** ¹⁾. Авторъ пользовался бумагами Евгевія, приводитъ его

¹⁾ *О. Новицкій*, О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Кіевъ, 1837.

собственноручныя замѣтки, сдѣланныя не задолго до смерти ¹⁾, и печатаетъ даже цѣлый отрывокъ изъ его «рукописи» ²⁾. Впрочемъ въ пору появленія книги Новицкаго, еще не знали, въ какой степени зависѣла она отъ прежнихъ работъ усопшаго іерарха (см. нашу книгу, стр. 316—317).

Изданный Снегиревымъ вскорѣ послѣ смерти Евгенія первый томъ его Словаря свѣтскихъ писателей и впервые появившаяся въ немъ автобіографія іерарха ³⁾ поддержала до нѣкоторой степени интересъ къ его имени. Галатея ⁴⁾ дала сочувственный, хотя, конечно, случайно оброненный отзывъ. Больше было сказано въ журналѣ Сенковскаго, Библіотека для чтенія ⁵⁾: Евгенийъ рисовался «ученѣйшимъ между его и нашими современниками», какъ принадлежавшій «къ числу *первоухъ ученыхъ съ Европы*». Журналъ изумлялся въ немъ «неутомимой дѣятельности ума, которая съ такою легкостью переходила къ разнообразнымъ научнымъ предметамъ и съ такимъ постоянствомъ продолжала однажды начатое занятіе», — и между прочимъ замѣчалъ: «занятія ученою герменевтикою, основанной на правилахъ классической критики и наукъ древностей, составляютъ, быть можетъ, лучшую школу для образованія молодого ума въ великомъ искусствѣ вслѣдой критики, и безъ сомнѣнія въ этихъ-то занятіяхъ будущій пастырь почерпнулъ тотъ духъ критическій и ту любовь къ трудолюбивымъ изысканіямъ, какими отличался онъ впоследствии» (42). «Древняя классическая литература», — прибавляетъ Сенковскій, — «была однакожъ любимымъ его предметомъ: онъ занимался ею какъ

¹⁾ О. Новицкій, стр. 8, 41; примѣч. 29, 147.

²⁾ О. Новицкій, стр. 71—81: «Описаніе Іоакимовской Библии и нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ рукописей».

³⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, служащій дополненіемъ къ Словарю писателей духовнаго чина, составленному митрополитомъ Евгениемъ. Изданіе II. Снегирева Томъ I. Отъ А. до Г. Москва, 1838.

⁴⁾ Галатея 1839, № 5, стр. 419—422.

⁵⁾ Библіотека для Чтенія 1838, т. 26-й, отд. V-й, стр. 37—48.

влинисть и достигъ до основательнаго знанія древняго и новѣйшихъ греческихъ языковъ» (42). Выше намъ уже пришлось отмѣтить мнѣніе протоіерея Скворцова, говорившаго, что вниманіе митрополита Евгенія преимущественно обращено было на исторію церкви и отечества. Далѣе намъ еще придется услышать другія не всегда сходныя мнѣнія... Дѣло въ томъ, что дѣятельность этого человѣка была на столько разнообразна, что на первыхъ порахъ каждый могъ отыскивать въ ней любое по своему желанію.

Въ отзвѣвѣ Сенковского, умномъ, живомъ, но не глубокомъ, сказались привычки и манера не столько серьезнаго изслѣдованія, сколько публициста и литератора, какимъ впрочемъ и былъ по преимуществу издатель Библіотеки для Чтенія. Гораздо серьезнѣе и метче опредѣляетъ Евгенія Погодина въ его наброскѣ¹⁾ даются намеки уже на цѣльный образъ, на полную характеристику.

«Разсматривалъ матеріалы, собранныя преосвященнымъ Евгениемъ, во время управленія его Вологодскою епархіею, для здѣшней исторіи церковной и гражданской, статистики его времени. Вотъ былъ человѣкъ, который не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того чтобы не ознаменовать его трудами на пользу исторіи. Новгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ — онъ награждалъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ *одинъ изъ величайшихъ собирателей*, которые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ, тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда что и какъ взято. *Это былъ русскій Миллеръ*. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то *статистикъ исторіи*. Онъ, кажется, даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему не доста-

¹⁾ М. Погодина, Вологда (изъ путевыхъ записокъ). *Москвитинъ* 1842, № 8, стр. 255—256.

вало въ исторіи; для него было это какъ-будто все равно. Что есть—хорошо, а чего нѣтъ, нечего о томъ и думать. *Никакихъ разсужденій, заключеній*».

Въ этихъ словахъ можно найти общее со статьями Амфиотрова и Сенковскаго, хотя въ то же время Погодинъ, можетъ быть, безсознательно наложилъ черезчуръ густыя краски на личность ученаго пастыря, какъ *собираателя* матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ, и по построению, и по силѣ выраженной мысли эта маленькая характеристика, случайно брошенная среди другихъ бѣглыхъ замѣтокъ, оставляетъ далеко позади себя все, ранѣе высказанное о митрополитѣ Евгеніи.

Въ сороковыхъ годахъ имя Евгенія попадалось не часто на страницахъ русскихъ журналовъ. Въ Москвитянинѣ было напечатано нѣсколько его писемъ¹⁾ и кромѣ того автобіографическая записка Карамзина, составленная для Евгенія²⁾; Маякъ далъ его автобіографію³⁾, интересныя Собственноручныя замѣтки на книгахъ⁴⁾ и еще одну статью бывшаго студента Кіевской академіи, на томъ основаніи, что «сочиненіе сіе издано подѣ непосредственнымъ надзоромъ покойнаго митрополита . . . стало быть, и сомнѣнія нѣтъ, что преосвя-

¹⁾ *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 171—175 (пис. Державину; здѣсь же, стр. 165—168, отрывокъ его работы: „О славянорусскихъ лирикахъ“; а на стр. 169—171, письмо Державина Евгенію). 1842, № 12, стр. 402—403; 1848, № 8, стр. 171—174 (одно письмо архим. Юсупу и два неизвѣстному духовному лицу).

²⁾ *Москвитянинъ* 1841, № 1. Въ большей части экземпляровъ этой Записки не находится. На стран. 38-й *Москвитянина* неврѣно сказано, что она составлена для Бантыша-Каменскаго. „Вислѣдствіи Погодина исправилъ эту ошибку“ (*Записки Академіи Наукъ*, VIII, 97, Протоколы).

³⁾ *Маякъ* 1843, том. X, книжка XX, стр. 28—37; здѣсь же, стр. 38—39 и завѣщаніе Евгенія.

⁴⁾ Собственноручныя замѣтки преосв. Евгенія, митрополита Кіевскаго, на книгахъ, поступившихъ, по его завѣщанію, въ Кіевскую семинарскую бібліотеку. *Маякъ* 1843., VII, 95—108; VIII, 1—21. 1844, XIII, 1—18. Доставлены іеромон. Михаиломъ Монастырскимъ (И. Малышевскій, Дѣятельность м. Евгенія въ званіи председателя конвенціи Кіевской духов. акад.—*Тр. К. Д. Ак.* 1867, № 12, 644).